

Светлана Алешина

Ошибка природы

Часть сборника
Ошибка природы (сборник)

Александра

Светлана Алешина

Ошибка природы

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Ошибка природы / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Александра)

«...Именно в этот момент зазвонил телефон, и я бросилась к нему, так как звонить могли два человека – Лариков, которому я высказала бы все, что думаю по его поводу, или клиент, которого я дожидалась.– Алло, – сказала я в трубку, пытаясь придержать дыхание, участившееся после моих «рокнрольных» пируэтиков.– Саша? Андрея Петровича нет?Я сразу узнала голос Ларикова друга и учителя Медведева. Из прокуратуры. Он явно был чем-то озабочен.– Нет.– А когда будет?– Понятия не имею, – честно призналась я. – Что-то случилось?Он замешкался, явно раздумывая, относиться ли ко мне как к ребенку, взятому Лариковым на воспитание, или как к взрослому человеку. Наверное, его прижало круто, потому как он решился и выпалил в трубку:– Понимаешь, Саша, он нам очень нужен. Обнаружено тело неизвестного мужчины, пятидесяти примерно лет. Документов при нем нет, кроме одной визитной карточки – Андрея Петровича Ларикова. И, судя по месту обнаружения, он направлялся к вам. То есть я не исключаю такой возможности. Не мог бы Андрей Петрович опознать этого человека?В моей груди шевельнулось нехорошее предчувствие...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Алешина

Ошибка природы

Глава 1

Эта ночь была омерзительной. До трех часов я не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок, как занудная старуха, обремененная годами и грехами. В квартире стояла та температура, которую уж никак не назовешь комнатной, поэтому встать, выбравшись из-под одеяла, и пройти на кухню за снотворным было выше моих возможностей. Завтрашний день обещал стать тяжелым и полусонным, а уговорить свой организм заснуть мне никак не удавалось.

Я поплотнее закуталась в одеяло и попробовала считать медленно, как облака, плывущих в небе слонов, но это совершенно не помогало. Мой мозг отказывался сосредоточиться на таком наиважнейшем деле, как подсчет слонопоголовья, упорно думая на мрачно-философские темы.

И почему, интересно, ночью тебе на ум приходит всякая пакость?

Нет, ну сами вспомните, станете ли вы размышлять, скажем, о бренности человеческого существования днем? Вряд ли. А вот ночью просто погружаешься в эти самые дурацкие размышления, так что становится не по себе.

Наконец все-таки решилась, выпрыгнула из-под одеяла. Холод приятно освежил, я тряхнула своей лохматой гривой и прошлепала на кухню, стараясь не разбудить мать.

Затворив кухонную дверь, я зажгла свет и выдвинула ящик с лекарствами. Из снотворного оказался только банальный димедрол.

Я налила воды и бросила взгляд за окно.

Улица освещалась белым светом луны. Жуткое зрелище, скажу я вам! Одиноким фонарь тщетно пытался оживить картину уютным и привычным желтым цветом. Луна победила его, и теперь улица казалась зловещей, как ухмылка дьявола.

– Мерзопакость какая! – поморщилась я. – И дернул же меня... ну, не стану я поминать в эту ночь его поганое имя, не спать именно сейчас, в полнолуние!

Свет завораживал, как в детской сказке или в идиотском «готическом» романе. Красавица, не в силах сопротивляться великой магии луны, выходит на улицу и оказывается в ловушке. На нее тут же наезжают призраки и тени, бедняжка что есть сил отбивается, но тщетно, и тут прекрасный юноша, естественно, плененный ее неземной красотой, оказывается рядом!..

– Все так, – хмыкнула я. – Только мой прекрасный юноша, судя по его окну, расположенному прямо напротив моего, глубоко и безмятежно дрыхнет, а красавица из тебя, радость моя, к слову сказать, не больно-то и неземная! Если вчера маменька, узрев мальчика с рекламы шоколадок «Нестле», радостно завопила, что ты – один к одному этот рыженький мальчик, то вряд ли с этакой «шоколадной» внешностью кто-то сподобится назвать тебя мечтой своей жизни!

Правда, плакать-то по этому поводу я тоже не собираюсь. Какую внешность дал господь – такую дал. Главное, чтоб не забыл при этом и шоколадку выдать.

Я зевнула – наконец-то! Димедрол делал свое дело.

– Ну и сияй тут себе на здоровье, – мрачно улыбнулась я луне. – Мальчику с рекламы давно пора спать. Бай-бай!

Я помахала луне пальчиками и отправилась прямиком под мое теплое одеяло.

* * *

Утро ворвалось с бестактностью дворника.

То есть в роли дворника выступала мама, которая трясла меня за плечо и кричала:

– Саша! Ты проспала!

– Ну и что? – задала я резонный вопрос. Открывать глаза смерть как не хотелось.

– Время уже девять!

– Вечера? – зевнула я.

– Сашка, вставай! Андрей Петрович уже звонил.

Ах, черт побери! Не хочу я на эту работу, спать хочу... Человек ведь не может только и делать, что работать, работать, работать! Он не робот. Он хочет иногда зарыться в одеяло с головой, погружаясь в сон, и валяться до следующего утра, послав на все четыре стороны свою работу, если даже она и связана напрямую с преступностью. Вот плюну на все... Могу же я заболеть, например? Вот я и заболела. Простыла! Мечты становятся реальностью, и Сашенька отсыпается. Мысли об этом были сладкими, как конфетки в ярких обертках. Я бы охотно еще поразмышляла над этим, но имя Ларикова подействовало отрезвляюще, как холодный душ. Я встряхнулась и вскочила.

– Теперь он точно уволит меня.

– Да брось ты! Добежишь, и все будет в порядке, – успокоила меня мама.

– Добегу и уволит, – оспорила я ее оптимистическое утверждение.

– Ты попробуй! А то, по неизвестным мне причинам, расселась с чашкой кофе и совершенно не думаешь спешить.

– Какая любящая мать! – улыбнулась я. – Вот просто не чает, как выгнать собственное чадо на мороз с голодным желудком!

– Чадо не останется с голодным желудком, – ответила жестокосердая мать, нахально ухмыляясь мне в лицо. – Любящий начальник накормит.

– Любящий начальник прикует меня кандалами к стене и будет бить кнутом за опоздание, а потом уволит.

– Интересно взглянуть, как он будет это делать, – мечтательные глаза матери возбудили во мне первобытный ужас.

– Вот уж не знала, что тебе доставят радость мои нечеловеческие муки и страдания! – ужаснулась я.

По ее взгляду стало ясно, что мои попытки продолжить нашу беседу на этот раз будут пресечены.

– Иду, – проворчала я. – Если не вернусь вечером, считай меня посмертно пионеркой.

– Господи, – воззвала мать, – почему у меня, такой интеллигентной и хорошо воспитанной женщины, получилась такая наглая дочь?

– Надо спрашивать не у господ, – заявила я. – Надо спросить у своей совести. Воспитала-то меня именно эта самая, хорошо воспитанная женщина.

Последнее слово осталось за мной, поскольку после заключительной фразы я уже вылетела на улицу.

О, как тут было гадко!

Холод просто омерзительный. А влияние бессонной ночи усугублялось абсолютно серым небом.

– Ужас, – пробормотала я, пряча нос в воротник. – Только садисты могут заставить человека работать в такую дурацкую погоду. Человеколюбивые граждане наверняка позволили бы мне поваляться на кровати в состоянии полусонной неги. Но вот такая пошла у нас селяви, и никуда от этого не деться.

Слава богу, на горке замаячил автобус, и очень скоро я уже ехала навстречу своей тяжелой судьбе в лице драгоценного моего босса, Андрея Петровича Ларикова, и непосильной работе в его детективном агентстве.

* * *

Открыла дверь, внутренне сжавшись. Ну, сейчас мне выскажут все, что накопилось за время моего отсутствия!

– Здрасьте, – пролепетала я, еще не рискуя открыть глаз.

Ответом было молчание.

Я осторожно открыла один глаз и увидела Андрея Петровича, смотрящего на меня молча, но с таким крутым невысказанным укором, что я вздохнула.

И открыла второй глаз.

– Я проспала, – призналась честно.

– Я понимаю, – кивнул он.

– Так получилось.

– Конечно, я и сам вижу, что у тебя это получилось, и очень даже неплохо.

Я хмыкнула, сняла куртку:

– Ты меня уловишь теперь?

– Нет, – покачал он головой. – Напротив, Александра Сергеевна. Я решил взвалить на твои плечи дело. Поскольку у меня их невпроворот, именно этим займешься ты. Самостоятельно. Без моей помощи и надзора. Гонорар будешь зарабатывать самостоятельно, и, может быть, проспав пару раз, поймешь, что именно в момент твоего цветного и сладкого сна ты теряешь заработок...

Не удержался все-таки, чтоб не подколоть, ну не смог удержаться!

Но в целом я обрадовалась. Наконец-то! Конечно, я не обольщалась, зная, что приличного дела он никогда мне не предложит.

Поэтому, когда он открыл файл с надписью «Гордон», я уже предчувствовала, что дело, так сказать, мне выпадет «семейное».

– Значит, так... – начал Лариков многозначительно. – Гордон Андрей Вениаминович. Пятьдесят шесть лет. Жена Флора и дочь Ольга. Вот в этой дочке все дело. Что-то с девчонкой у него совсем не клеится. Вроде бы Ольга Гордон нормальная девица, учится в универе на историческом. Двадцать два года – почти твоя ровесница. Может быть, тебе ее легче будет понять. Андрей Вениаминович очень перепуган. Причину хотел сообщить конфиденциально, так что через пятнадцать минут ты узнаешь все в подробностях. Я его предупредил...

– Понятно, – вздохнула я. – Дурные компании дочки не дают покоя отцу. Саша появляется, как добрый ангел, и объясняет юной Гордонше смысл бытия.

– Ты сама-то его понимаешь? – поинтересовался Лариков. – Смысл бытия?

– Нет, но это неважно, – передернула я плечами. – Главное – подобрать красивые слова, а это я умею. Все?

– Нет, не все. Вот самое интересное.

Он перегнал на файл «Тамилина».

– Вот. Если ты помнишь, дело о Римме Тамилиной. Прошлый месяц. Умерла от передозировки наркотиков.

Я помнила. Кажется, мы пытались опровергнуть подозрение Римминой мамы насчет того, что имело место убийство. Но ничего тогда не нашли. Хотя я до сих пор подозреваю, что мама была права.

– По этому делу у нас проходила компания Римминых друзей. И – вот что интересно – я обнаружил тут знакомую фамилию. Оля Гордон.

Он закрыл файл и посмотрел на меня.

– Знаешь, я все прокручивал, почему фамилия такая знакомая. И тут вспоминаю о Римме. Так вот, Оля была ее подругой. Она и тогда показалась мне отстраненной. И напуганной. А с утра позвонил ее отец, в полном шоке, что-то с Олей. Объяснить по телефону отказался. Ты справишься?

– Не-а, – протянула я лениво. – Куда уж мне...

– Сашка, надо быть серьезной. Значит, поступим так – я сейчас отчаливаю по делу Разумовского. А ты ждешь Гордона. Если управлюсь быстро, то появлюсь. Все зафиксируй, поняла?

– Вроде бы ты отдал это дело мне, – напомнила я. – Поэтому можешь заниматься своим Разумовским до полного изнеможения. Детка взрослая, детка сама управится.

Он с сомнением посмотрел на меня и сделал вид, что поверил в мои способности.

Хотя сама я, наблюдая, как исчезает за дверью его долговязая фигура, искренне в своих способностях сомневалась.

Но доказать-то обратное хотелось, правда?

* * *

В офисе царил праздная тишина. Я успела изучить все перипетии трудного жития господина Гордона, но отчего-то сам он все еще не появлялся.

Прошло пятнадцать минут, потом еще пятнадцать, потом еще час. Гордона не было.

Я уж стала подумывать, что Лариков просто подшутить надо мной изволил. Вот тебе, Саша, дело, но само дело какое-то пропащее. Этакая месть за мое опоздание. Лучше бы я спала до этого вот часа!

Сидеть и ждать всегда невероятно скучно. К тому же я начинала злиться – то ли на пропавшего клиента, то ли на моего босса.

Злиться я не люблю – весьма занудное дело. Поэтому я достала из пакета книгу и уткнулась в нее, дабы утопить в стихотворных строчках свою разрастающуюся скуку.

Открыла я, конечно, классное место.

Я знаю, что вельможа и бродяга,
Святитель и безбожнейший поэт,
Безумец и мудрец, познавший благо
И вечной истины единый свет,
И дамы в нежном кружеве колет,
Сколь ни пышны чины их и владенья,
Будь в ценных жемчугах они иль нет,
Узнают смерти тоже приближенье.

Естественно, от таких предсказаний душа не будет на месте. В общем-то, ничего другого я от своего невидимого дружка и не ожидала.

Поэтому книгу я закрыла и стала крутить ручку приемника, в надежде поймать какую-нибудь бессмысленную и веселую песню, способную поднять стремительно падающее настроение.

Конечно, мне жутко не везло. Везде, как нарочно, народ решил предаться тягучей меланхолии, и даже на «Русском радио» почему-то решили включить не обычную свою радостно-пошлую бурду, а Цоя.

Может быть, в стране объявили траур?

Уф! На одной волне у меня получилось.

Радостный Рики Мартин изо всех сил старался повысить мой жизненный тонус!
Я даже изобразила пару пируэтов, но...

Именно в этот момент зазвонил телефон, и я бросилась к нему, так как звонить могли два человека – Лариков, которому я высказала бы все, что думаю по его поводу, или клиент, которого я дожидалась.

– Алло, – сказала я в трубку, пытаясь придержать дыхание, участившееся после моих «рокнрольных» пируэтиков.

– Саша? Андрея Петровича нет?

Я сразу узнала голос Ларикова друга и учителя Медведева. Из прокуратуры. Он явно был чем-то озабочен.

– Нет.

– А когда будет?

– Понятия не имею, – честно призналась я. – Что-то случилось?

Он замешкался, явно раздумывая, относиться ли ко мне как к ребенку, взятому Лариковым на воспитание, или как к взрослому человеку. Наверное, его прижало круто, потому как он решился и выпалил в трубку:

– Понимаешь, Саша, он нам очень нужен. Обнаружено тело неизвестного мужчины, пятидесяти примерно лет. Документов при нем нет, кроме одной визитной карточки – Андрея Петровича Ларикова. И, судя по месту обнаружения, он направлялся к вам. То есть я не исключаю такой возможности. Не мог бы Андрей Петрович опознать этого человека?

В моей груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Почему-то я подумала, что это мог бы быть и Гордон, и скорее всего...

– Гордон, – прошептала я.

– Что ты сказала, Сашенька?

– Ничего, – одернула я себя. Что за манера накликать несчастья? Может быть, Гордон жив-здоров. Просто задерживается. – Я передам ему, как только он появится.

– Спасибо.

Он приготовился повесить трубку.

– Подождите! – закричала я.

– Что?

– А где вы его обнаружили?

– Возле мусорных баков. Чистый переулок. Прямо рядом с вами.

– Знаете, если срочное дело, попробуйте кинуть ему сообщение на пейджер, – посоветовала я.

Он обрадовался. Я продиктовала номер и повесила трубку.

Да уж! Я сделала попытку сосредоточиться на своих делах, которых у меня, как назло, не было. Поэтому я постаралась их придумать.

Вытерла пыль с компьютера. Перебрала файлики, разложив их в строгом порядке.

Но мысли все возвращались к разговору. Почему-то я упорно связывала найденный труп с Гордоном. Наверное, просто такова особенность человеческой психики. Ты кого-то ждешь, поэтому, когда этот человек не приходит...

Конечно, полный бред, решила я. И вообще – не мое это дело. Может быть, он и сам справился со своей проблемой, потому и не явился в назначенное время?

Но любопытство гнало меня вперед.

До Чистого добегу за две минуты. Я не пыталась даже разобраться, к чему мне это. Человек-то я импульсивный. Сначала делаю, потом думаю.

Накинув куртку, вылетела на улицу.

Его уже увезли – только абрис тела, нарисованный мелом.

Два контейнера с мусором. В них копалась старушенция да еще бездомная собака. Чистый переулок был фактически пустынным местом. Ночью тут вообще лучше бы и не ходить, а если уж кому приходится, никак не обойтись тому без охраны.

Я стояла и смотрела на контур фигуры, напоминающий портрет Кисы Воробьянинова работы Бендера.

– «Узнают смерти тоже приближенье», – прошептала я.

Смерть вторглась в мой мир, и я почти физически ощутила – это касается меня. Еще не знаю как и не знаю почему – но...

Холод пробрал меня до костей.

Я резко развернулась и пошла прочь. К теплому офису, где, похоже, мне никогда уже не дожидаться Андрея Вениаминовича Гордона.

* * *

Вернувшись в «теплый офис», я завернулась в пушистый плед, который позаимствовала с кровати в неофициальной части лариковской квартиры.

Сразу стало уютно и дремотно. За окном начался дождь, и от этого на душе скребли унылые кошки, которым явно не хватало общества.

Поэтому звонок в дверь я восприняла с активной радостью.

Слава богу, мой клиент просто запаздывал. Он жив и здоров.

Я распахнула дверь и, не глядя, радостно воскликнула:

– Наконец-то! Я думала, вы уже не придете!

– Простите... Андрей Петрович на месте?

Недоуменно посмотрев, я обнаружила, что на пороге стоит бледная и очень хорошенькая женщина, напоминающая нарцисс.

– Здравствуйте, – кивнула я. – Андрея Петровича нет. Простите, я просто ждала другого человека.

– Я поняла, – растерянно улыбнулась она. – Значит, Андрея Петровича нет?

– Нет, – развела я руками. – Вы можете дождаться его. К тому же, возможно, я смогу вам помочь?

– А кто вы? – спросила она.

– Его помощник, – честно ответила я. – Тоже детектив, но младший.

– Да мне без разницы, – махнула рукой женщина. – Я так измучилась, что возвращаться не хочется. Может быть, вы и вправду сможете мне чем-нибудь помочь?

Глава 2

Она прошла и так уютно устроилась в моем кресле, что я даже не стала ее пересаживать. Редко кому удается вписаться в него с подобным изяществом!

Мне эта странная дама показалась похожей на редкую бабочку, случайно залетевшую на огонек. Сейчас взмахнет крыльями и отлетит в сторону вон того облачка, странно светящегося на темном небе.

Она явно чувствовала себя неловко. И я, чтобы сгладить эту дурацкую неловкость, спросила:

– Кофе будете?

Она радостно закивала своей аккуратно причесанной головой.

– А можно?

– Конечно, – поднялась я. – Даже нужно в такую пасмурную и холодную погоду. Кстати, если вы курите, то пепельница вот.

Я поставила перед ней новое приобретение Ларикова.

Не в силах бороться с моей страстью к курению, некурящий босс купил где-то гадкую китайскую пепельницу в виде синей машинки, причем нахально утверждал, что эта пепельница с угольным фильтром. В принципе, при нем я терпела это идиотское жужжание. Если ему кажется, что так меньше вреда для его здоровья, пускай. Чем бы мой босс ни тешился, лишь бы не плакал.

Она достала сигарету, пробормотала «спасибо» и закурила. Я открыла машинку. Сразу раздалось непотребное жужжание, отчего гостя как-то нервно дернулась и вытаращилась на это чудо, как туземец на телевизор.

– Что это? – спросила она едва слышно.

– Пепельница, – пояснила я. – С вентилятором. Правда, гадость?

– Нет, очень мило.

Она поехала и глянула на меня таким потеряннным взглядом, что мне стало стыдно. В конце концов человек замерз, и ему хочется горячего напитка.

– Сейчас, – пробормотала я, бросаясь на кухню.

Когда я вернулась с кофе, она сидела, сцепив на коленях тонкие пальцы, и мечтательными своими глазами смотрела куда-то вдаль.

– Кстати, меня зовут Саша, – сообщила я.

– Ох, простите... Я как-то забыла, что вы не знаете моего имени. Вы очень приятный человек, Саша, такое ощущение, что мы знакомы целую вечность. Меня зовут Софья Александровна. Соня.

Она произнесла это с такой трогательной улыбкой, окончательно сделавшей ее похожей на «мимолетное видение», что я не могла не улыбнуться в ответ.

– Так что с вами произошло? – приступила я к разговору. Прелюдии были окончены, а если человек тащился сюда в этаким холод, значит, его, простите, круто прижало.

– Не знаю, с чего начать...

Она неуверенно посмотрела на меня. Кажется, очень стеснялась.

Боже мой, неужели она хочет того же, что и большинство наших клиентов? Чтобы я проследила за ее мужем, например?

– Это так все странно, – пролепетала она едва слышно. – Вы можете посчитать меня сумасшедшей. Но... Я больше не могу находиться в собственной квартире, Саша! Мне страшно!

* * *

Бедная женщина выглядела действительно напуганной и расстроенной.

– Вы, наверное, будете смеяться надо мной. Когда я обратилась в милицию, они выслушали мой рассказ с тем стойким скептицизмом, который так естественен, пока...

Она комкала платок, и ее губы шевелились. Если она вела себя так и в милиции, то представляю, как они там ржали!

Соня действительно сейчас была похожа на крайне неуравновешенную даму.

А уж ее рассказ и вовсе на первый взгляд мог показаться полным бредом!

– Понимаете, Саша, в моей квартире что-то происходит, – подняла она на меня испуганные глаза. – Если бы я была фантазеркой, назвала бы это полтергейстом. Но... Я же не идиотка, правда?

«Ну откуда мне знать», – хотела воскликнуть Саша-насмешница, которая так и спешит выпрыгнуть, как черт из табакерки, в самый неподходящий момент.

Но добрая Саша усилием воли затолкала эту нахалку глубоко внутрь и помотала с готовностью головой:

– Нет.

– А именно так они и подумали. Даже присоветовали мне обратиться по адресу. Я уже потеряла всякую надежду, но тут наткнулась на ваше объявление.

Словно боясь, что я не поверю, заподозрив ее в том, что на самом деле она подслана вражескими агентами, она достала из сумочки скомканную газетку с объявлениями и протянула мне.

– Все понятно, – терпеливо сказала я. Как будто мне было так важно, откуда она узнала о бренном существовании Андрея Петровича Ларикова и иже с ним. – Так что там происходит с вашей квартирой? Начинают летать ножи и сам собой включается телевизор?

– Ну вот. И вы туда же... Да ничего этого нет. Просто я вхожу в свою квартиру и вдруг понимаю, что там кто-то был. О, нет! Ничего не украдено. Все на своих местах. Только запахи – одни лишь запахи. Сигарет, которые я не курю. Духов, которыми я не пользуюсь. Книга, которую я не читаю, почему-то лежит раскрытая на столе. Какие-то еле уловимые нюансы, по которым ты определяешь, что, кроме тебя, в квартире живет еще таинственный некто. И однажды я даже видела его!

– Как? – вытаращилась я на нее. – То есть все-таки призрак?

– Почему призрак? – устало отмахнулась от меня Соня. – Нет. Я однажды приехала с гастролей раньше. Заболела гриппом и вернулась. Я балерина, и если простужаюсь, лучше полежать дома. Так вот, вернувшись, я, естественно, никому ничего не сказала. И сразу залегла в постель с твердым намерением отоспаться. Чувствовала себя отвратительно, голова гудела, но ночью...

Она замялась. Похоже, что то ночное событие сильно ее взволновало, потому как сейчас она заново переживала тот ужас. Ее зрачки расширились, а тонкие ноздри трепетали, выдавая учащенное и взволнованное дыхание.

– Я проснулась от чувства опасности. Знаете, иногда так бывает... Тебе снится какая-то муть, и чувствуешь, что надо бы срочно проснуться... От температуры чаще всего снятся кошмары, не так ли? Так вот, я проснулась и увидела, что в углу стоит тень. И смотрит эта тень прямо на меня. Я вскочила и спросила: «Кто вы?» Тень замерла, мне было ужасно страшно, я потянулась к выключателю, и...

– Ну? – сгорала я от нетерпения. Ужасно люблю страшилки! Ожившие мумии всякие пленяют мое детское воображение. – Оно на вас накинлось? Вы его увидели, да?

– Нет. Он метнулся в сторону, хлопнула дверь... Все. После этого я попросила поночевать у меня племянницу Машу. Все время, пока она была со мной, ничего не происходило. Но Маше надо жить своей жизнью. К тому же сейчас она собирается замуж. Ей не до меня. Я решила, что все это было просто каким-то наваждением, время все стирает. Страх мой приобрел зыбкие очертания, и я решила, что все, случившееся со мной, просто бред воображения. Морок.

– Ну здравствуйте, – недовольно протянула я. – Ваша-то тень вела себя как человек. Вышла через дверь, а не через окно! Какой же это морок? Нормальный морок будет вести себя куда приличнее...

– Какое-то время все было спокойно. Но неделю назад все началось по той же схеме. Он вернулся, Саша. И теперь ведет себя совершенно непонятно. Потому что я стала находить реальные подтверждения его присутствия. Он хочет, чтобы я знала о нем. И мне страшно. Чего он добивается, Саша? Моего ужаса? Ведь любому на моем месте станет не по себе!

– Еще как, – подтвердила я. – Если бы он решил пожить у меня, я бы постаралась его выследить.

– Я пыталась! Это невозможно. Он точно знает, когда меня нет. Он никогда не заявится, если я дома. Более того – я пыталась узнать у соседей! Его никто не видел. Все таращат на меня глаза, а самые откровенные вертят пальцем у виска! Я в каком-то тупике, Сашенька. Но больше так жить я просто не могу.

– Хорошо, а видеокамера? Вы пробовали?

– У меня ее просто нет, – развела она руками.

– Устроим, – пообещала я. – Думаю, дело это не такое уж и сложное. Может быть, это просто бомж?

– Бомж, от которого пахнет «Кензо», – рассмеялась она. – И который прошлый раз сподобился забыть вот этот галстук, купленный не иначе как в «Паритет Фэшн»? Нет, Саша, он не бомж! И ключей я не теряла. Ни разу. Тем не менее он прекрасно проникает в мою квартиру...

– Ну, это не такая уж проблема, – рассмеялась я. – Ключ от моей квартиры подходит еще к двум. Я открываю им еще квартиру моей подруги Вероники и вот этот самый офис! Вопрос в другом...

Я задумалась. И в самом деле – непонятный субъект! Может быть, он просто романтично влюбился? Но от его тени веяло чем-то неприятным и зловещим.

– За каким фигом ему все это надо? – спросила я скорее саму себя, чем клиентку.

* * *

Когда она ушла, я попыталась все обдумать.

Честно говоря, ситуация, в которой оказалась Соня, была совершенно идиотской. В конце концов я пришла к выводу, что все очень даже нужно проверить.

То есть у меня даже начал складываться план действий, но в этот момент дверь распахнулась и в офис вошел Лариков.

Был он совершенно растерянный и грустный. Не снимая пальто, которое делало его похожим на английского аристократа начала прошлого века, он прикрыл глаза и попросил:

– Сашик, голубчик, сделай кофе, пока я не умер от болей в голове! Этот туман меня доконает.

Такой вежливо-ласковой формы обращения я уже давно от него не слыхала. Поэтому, чрезвычайно удивленная, отправилась на кухню. Ну и денек сегодня выдался! Не иначе как влияние полной луны.

Вернувшись, я уселась напротив него, скрестив ноги, и поинтересовалась:

– Тебе дозвонились?

– Ага, – медленно, еле ворочая языком, произнес Ларчик.

– И?

– Гордон, – сказал Ларчик, вздохнув. – Гордон, которого убили по пути к нам. Грязная история, Сашка! Спасибо за кофе, я начинаю приходить в себя.

– Что думают менты?

– А они вообще думают? – усмехнулся Лариков. – Нет, я не спорю, там есть несколько человек, которые еще не утратили этой способности. Но дело досталось как раз не им. Ванцову. А этот никогда не обладал способностью к мышлению. Он решил, что убил Гордона какой-то бомж. Собственно, жильцы дома, возле которого найден труп Гордона, показали, что возле мусорных баков вечно крутятся подозрительные личности.

– Крутятся, – кивнула я. – Совершенно шизанутая старенькая леди в кружевной рваной мантилье да еще собака, линиялая, как мои джинсы после стирки. Они как-то в мои представления об убийце не укладываются. Старуха просто немощна, а собака не умеет работать оружием.

– Плюс ко всему, откуда у бомжа револьвер? Да еще с глушителем... Понимаешь, Сашка, у меня создалось впечатление, что Ванцов твердо вознамерился отправить это дело в «нераскрываемые». И это, Сашик, меня напрягло.

Он вертел чашку в своих узких ладонях и задумчиво хлопал длинными ресницами.

– Ну ладно. Чего думать об этом? Все равно никто нам этого дела не поручал, оно у милиции, и мы с тобой не имеем права вмешиваться с нашими измышлениями, пока нас об этом не попросят...

– Когда я думаю об этом, чувствую свое бесправие, – обиженно проговорила я. – Кроме того, мне совсем не нравится, что убийство Гордона на сто процентов постараются повесить на несчастного бездомного алкоголика. Или на несчастную старушенцию в такой красивой мантилье. Или вообще на ни в чем не повинную собаку...

– И что ты предлагаешь? – вскинулся Лариков. – Лезть поперек «батьки»? Ты их плохо знаешь, радость моя! Особенно Ванцова! Этот наступит на тебя, сплющит и пойдет дальше!

– Как это – сплющит? – совсем разозлилась я. – Позвольте, но я не люблю, когда меня «плющат»! Я его сама расплющу!

Он долго смотрел на меня, а потом начал хохотать.

– Сашка, ты совсем еще ребенок! Такой славненький, воинственный ребеночек! Ладно, давай забудем о Гордоне. Если здесь появится его жена и попросит нас этим заняться, дело другое. У нас будет право им заниматься. А пока давай думать о других вещах. Ничего, кстати, нового?

– Нового?

Я задумалась. Надо ли говорить о Соне? В конце концов, он же обещал мне самостоятельное дело.

– А ты подтверждаешь, что я сама могу заниматься расследованием? – остороженько спросила я.

– Смотря каким, – кивнул он. – Если оно не связано с убийством. Если это не сексуальный маньяк. В общем, если твоей жизни ничего не угрожает.

– Скорее всего нет, – честно ответила я. – Кто-то бывает у одной женщины, когда ее нет дома. И оставляет следы своего пребывания на виду. Может быть, он ведет психическую атаку, стремясь ее запугать или свести с ума?

– А может быть, твоя женщина просто с ума сошла сама, – фыркнул Лариков. – Так чего ты хочешь?

– Пока не знаю. Сегодня вечером я буду у нее, чтобы самой посмотреть, где расположена квартира. Прикину, как он туда попадает, и главное, попробую представить, зачем он это делает. Должно же быть что-то, о чем она забыла. Может быть, он ищет какую-то вещь?

– Ладно, судя по всему, это дело как раз для тебя. Только если поймешь, что женщина все-таки обманывает...

– Нет, – покачала я головой. – Она очень перепугана.

– Значит, сама обманывается. Хотя... Сашка, а ведь это может быть опасным! Если она сумасшедшая, вполне может оказаться буйной!

Он смеялся.

– Прекрати! – обиделась я. – Она мне сама сказала, что он оставляет там вещи! Даже показала мне. Галстук.

– Ерунда, – фыркнул он. – Галстук может принадлежать ее любовнику. Или она его купила. Чтобы поубедительнее навешать тебе спагетти.

– Лариков, – взмолилась я. – Когда-нибудь ты будешь относиться ко мне серьезно?

– Сашка, серьезно я отношусь только к врагам, – ответил он. – Надеюсь, ты никогда не станешь моим врагом?

– Если это необходимое условие для того, чтобы ты относился ко мне серьезно, не могу этого обещать, – высказалась я и, засунув себя в куртку, добавила: – Мне пора, мон шер. Надо ведь еще забежать домой, предупредить маму, что сегодня я приду очень поздно.

– И Пенса, чтобы он за тобой приехал, – строго напомнил Лариков. – Сашка, ты же не будешь шляться по ночам одна?

У меня вообще-то были кое-какие планы насчет сегодняшней ночи. Но я решила, что Пенс мне не помешает, и согласилась с Лариковым.

– Кстати, завтра я немного опоздаю, – сообщила я. – Поскольку неизвестно, когда вернусь.

– Ладно, маленький рыжий ангел, – махнул рукой Лариков. – Только, пожалуйста, не подвергай себя опасности!

Ну вот этого я ему обещать никак не могла!

Глава 3

Времени у меня было не очень чтоб много. Поэтому, когда я влетела в свою квартиру и начала метаться по ней, наскоро утепляясь, маменька моя скептически нахмурилась, прислонившись к стене со скрещенными на груди руками, отчего безумно напомнила мне памятник Чернышевскому. Тем более что ее стрижка и очки на носу делали их сходство практически один к одному.

– Ты напоминаешь мне вихрь торнадо, – заметила моя «чернышевская» маменька. – Может быть, ты все-таки употребишь некоторое число калорий? При таких стремительных движениях ты очень скоро истончишься.

– Ну и очень полезно мне истончиться, – сказала я, продолжая собираться.

– Зачем тебе два свитера на один организм? – спросила маменька.

– Организм не должен замерзать, – охотно объяснила я. – Мой организм спит и видит, как ему подцепить насморк. А пристальные наблюдения показали мне, что красный нос не очень идет моим рыжим волосам.

– А питать его не надо?

– Надо, но мало, – я осмотрела свою фигуру. В двух свитерах и надетой сверху папиной куртке я выглядела омерзительной кубышкой. – Фигура у меня, прямо скажем, не для подиума.

– А ты куда собираешься? – осведомилась мама.

– Разве что демонстрировать моды для полных детей, – фыркнула я. – Не забыв при этом засунуть в зубы шоколадку «Нестле»...

– Удивительная способность к самоуничтожению, – покачала головой мама. – Хоть бы имела совесть да пожалела меня. Поскольку ты мое чадо и похожа на меня и моего супруга, но когда ты подвергаешь свою внешность несправедливой критике, ты намекаешь на то, что либо я была дурна собой, либо у меня дурной вкус. Так?

– Ну уж про вас я ничего не говорю, – поспешила оправдаться я. – Может быть, я удалась такой жуткой кошелкой в тетю Веру?!

– Бедная тетя Вера! Какая же ты вредина! Насчет кошелки не знаю, но нахалка ты точно первостатейная! Несчастная тетя Вера регулярно притаскивает тебе из Америки подарки, а ты называешь ее жуткой кошелкой!

– Да я себя так называю! А ты всегда все переворачиваешь!

Я чмокнула ее в нос.

– Еда? – строго спросила мама, указуя перстом на кухню.

– Когда приду.

– А когда вы изволите прийти?

– Поздно, – лаконично ответила я.

И вылетела из квартиры.

* * *

Пенса, как назло, дома не оказалось.

Дверь мне открыла Пенсова мама, которая пыталась отбиться от Пенсова же племянника – довольно занудного мальчугана двух лет, тут же уставившегося на меня с плотоядным восхищением. То, что малыш уже давно ко мне благоволил, я знала. Это, наверное, у них семейное. Страсть к рыжеволосым девицам, похожим на мальчика с шоколадной рекламы. Наверное, подобным образом они удовлетворяют свою потребность в шоколаде.

– Ъжик писел, – пролепетал мой поклонник и резко дернул за волосы.

- Сенька! – возопила Пенсова мама. – Прекрати дергать ее за волосы!
- Касивые, – меланхолично поведал юноша-акселерат.
- Да ладно, пускай, – милостиво разрешила я. – А где Сережка?
- Уехал, – сокрушенно сообщила мама Пенса. – Куда-то в центр. Что ему передать?
- Жалко, – развела я руками. – Он когда приедет?
- Поздно, сказал. Ты ему позвони!
- Хорошо, позвоню, – пообещала я и побежала дальше.

Было немного обидно. Пенс ведь обещал постоянно и неотлучно находиться при мне, а сам куда-то смылся в такой неподходящий момент! Именно сейчас, когда он так мне нужен.

Надеюсь, мой неверный друг не проводит время хотя бы в компании порочных и распутных женщин?

Я двигалась с реактивной скоростью. Туман, царивший повсюду днем, сейчас немного рассеялся, принесся тепло.

Очень скоро показался дом Сони, и я прибавила шаг.

Надо было торопиться, чтобы успеть сделать оба дела. Второе было, правда, глубоко тайным и опасным, но я надеялась, что Пенс вернется к тому времени, как я начну заниматься тем, что представляет столь серьезную опасность для моего здоровья.

* * *

Соня выглядела очень уставшей и несчастной. Мне даже подумалось, что она плакала – ее веки немного опухли и покраснели.

– Добрый вечер, Саша, – попыталась выдавить она из себя улыбку. Мне показалось, что сейчас вместо улыбки последует вселенский плач, но Соня взяла себя в руки.

– Может быть, не вовремя? – испугалась я. Ужасно не люблю мешать людям предаваться чему-то глубоко личному – будь то радость или отчаяние! Я и сама-то ужасно злюсь, когда кто-то мешает мне поплакать, если очень хочется. По моему строгому убеждению, каждый человек имеет право на выражение своих личных эмоций в полном одиночестве.

– Нет, – замотала она головой с поспешной готовностью, – просто... Ну, да не будем об этом, ладно? Лучше давайте поговорим о нашем таинственном госте. Вы вино будете?

Меня ожидает участь глубоко спившейся женщины, подумала я, немного удивленная тем, что это не вызывает у меня ни отчаяния, ни уныния. Как будто страшно весело быть спившейся женщиной.

Я согласилась.

Она достала длинную изящную бутылку с темно-красной жидкостью.

– Мое, – гордо сообщила Соня, – из моего же собственного винограда.

Вино оказалось чудесным. Аромат был живым и как бы пульсировал, словно кровь в венах. Это было живое вино, и я посмотрела на Соню с уважением. Человек умеет не только «батманить», но и делать чудесное вино! А вот я какая-то полная незадача, разгуливающая неизвестно зачем по земле! Толку от меня никакого, могу только совать свой курносый нос в чужие дела!

Она обвела взглядом свою квартиру – такую же изящную и грустную, как сама хозяйка.

– Раньше нас тут много собиралось, – вздохнула Соня. – Все пили вино, много смеялись... Ох, Сашенька, иногда приходится выбирать, и как часто за этот выбор приходится платить слишком дорого!

Она опять посмотрела в сторону, пытаясь скрыть набежавшие слезы.

– Ладно, это к делу не относится. Просто сегодня умер человек, которого я любила. И поэтому мне хочется плакать. Он был очень славным человеком, Саша. Необыкновенно добрым и отзывчивым.

Я не настаивала на том, чтобы сегодня, раз уж так вышло, мы говорили о бестактном посетителе ее квартиры. Но Соня сама собралась и сказала:

– Хотите посмотреть мою спальню? Я, кстати, ума не приложу, как он сюда проникает.

– Ключ, – напомнила я.

– Ну, ключ. Но ведь, когда ты вставляешь ключ в замочную скважину, открываешь дверь, хлопаешь ею – кто-то должен это слышать. Когда ты поднимаешься по лестнице, кто-то должен тебя увидеть. А его никто не видит и не слышит. Кроме меня... Как будто он становится невидимым. Этаким «человек-невидимка». Пойдемте.

Она изящно поднялась – бог ты мой, как бы мне хотелось передвигаться с такой же грацией! Рядом с ней я ощущала себя слоном в посудной лавке!

Мы прошли по коридору в самый конец. Квартира была из разряда «бывшая коммуналка». Старинная, с темным коридором и тремя разрозненными комнатами.

Поэтому к спальне пришлось брести в полутьме – даже яркая лампочка в сто ватт полностью не могла осветить чертов коридор.

– Зачем вам такая огромная квартира? – поинтересовалась я.

– По идее, я должна жить тут не одна, – ответила Соня. – С Машей. Но Маша пока живет с родителями – так ей удобнее. Вон та комнатка ее. А мне и не надо ничего, кроме спальни и кухни! Раньше – да. Яркий свет, гостиная, наполненная людьми... Смех, разговоры, музыка. Все такие яркие личности, все талантливы. Куда все уходит, Саша, вы не знаете? Впрочем, вы еще слишком юны, чтобы знать...

Она открыла дверь.

Спальня ее была такой странной и самобытной, что я оглянулась на хозяйку в немом восхищении.

Все было выполнено в стиле «печворк» – покрывало на кровати, занавески с аппликацией в виде жирафа, коврик на стене!

– Вау! – вырвалось у меня. – Вы все это делали сами?

– Конечно.

– У меня начинается комплекс неполноценности, – вздохнула я. – Красивая женщина. Балерина. Умеет делать вино и вот такие штучки!

Соня польщенно засмеялась, пытаясь скрыть смущение.

– Ну, балерина-то я никакая, так, в кордебалете. А сейчас совсем на пенсии – ноги болят. Правда, раньше я вела студию в Доме культуры, даже неплохие результаты были...

Она уставилась в одну точку, и по ее лицу опять пробежала тень. Что-то в жизни этой женщины было не так. Видимо, был один порожек, через который ей не удалось провести свое каное.

* * *

В ее спальне было уютно. Но была она маленькой.

– Вот сами и смотрите, – Соня обвела рукой свое нехитрое жизненное пространство. – Например, я прихожу и вижу, что вон та книга...

Она достала том Шекспира и протянула мне.

– А, ладно, – передумав, махнула рукой. – Сама сейчас вам покажу.

Перелистав страницы, она открыла ее и швырнула на кровать.

– Вот так лежит, – посмотрела Соня на меня. – А теперь подойдите и прочтите. Мне просто любопытно, что бросится вам в глаза. Какая строчка.

Я подошла. Честно говоря, мне стало не по себе. Я как бы на мгновение стала этой женщиной, вернувшейся домой. Она видит фолиант, брошенный на кровать, прекрасно зная, что

не брала в руки Шекспира лет пять, как минимум. Самовольно том спрыгнул с полочки на кровать. Да еще и открылся на таком небезынтересном месте.

Отрывок из «Гамлета, принца Датского».

ГАМЛЕТ. Для какого мужа праведна ты ее роешь?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Ни для какого.

ГАМЛЕТ. Тогда для какой женщины?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Тоже ни для какой.

ГАМЛЕТ. Для кого же она предназначена?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Для особы, которая, сэр, была женщиной, ныне же, царствие ей небесное, преставилась.

Бр-р-р!

Я отбросила том подальше.

Вряд ли у человека сохранится веселое настроение, если по приезде он найдет вот такое на своей собственной постели.

«Ныне же, царствие ей небесное, преставилась».

Можно ли отнести это к разряду угроз? Чего добивается некто, оставляя такое «послание» другому? Панического страха? Дать знать, что в мире есть человек, желающий тебе смерти?

– Да уж, – пробормотала я. – Если вы наткнулись на то же самое место, представляю, как вам стало...

– Может, он просто читал это? – с надеждой в голосе спросила Соня, поежившись, будто от холода.

– Может быть, – пробормотала я. Пришел сюда почитать Шекспира. Как в библиотеку. А потом просто забыл поставить книгу на место?

– Соня, а Маша...

– Что вы, Саша! И не думайте так о моей Машеньке! Она никогда не заходит в эту комнату без меня. Маша очень хорошая девочка. Тургеневская барышня, совершенно непригодная к жизни, а уж тем более к интригам! К тому же я его видела, Саша! Это мужчина. Высокий, стройный, я даже почти уверена, что у него приятная внешность, хотя и не видела лица.

– К тому же интеллигентный, – фыркнула я. – Любит почитать в чужой квартире классику! Не выйти ли нам всем за него замуж?

– Не смейтесь, – тихо попросила она. – Сейчас мне очень страшно, Сашенька! Потому что теперь я осталась совсем одна. Никому не нужна, понимаете? Сегодня ушел последний человек, который относился ко мне с любовью. Поверьте, Саша, это...

Она судорожно глотнула.

– Кто он был?

– Даже после его смерти мы должны сохранять все в тайне, Саша. Он был женатым человеком, а я...

Соня подняла на меня свои беззащитные глаза, и я поняла – разговаривать об этом она не будет.

– Я была его... другом, и не будем об этом больше! Клянусь вам, он не имеет никакого отношения к нашему таинственному посетителю!

– Получается, что никто из ваших знакомцев не может строить против вас такие подлые козни. И этот незнакомец, судя по всему, просто заходит к вам погреться? Ну, разве еще книжку почитать. Что-нибудь еще он оставлял после себя? Кроме галстука, аромата «Кензо» и мрачноватых строчек из классики, от которых веет запахами древнего кладбища?

– Да, – кивнула Соня. – Оставлял. Но я это выкинула.

– Как? – удивилась я.

– Саша, это было в самый первый раз. Тогда я не отнеслась к этому серьезно. А тот букет давно задох, к моменту моего появления.

– Что это было?

– Розы, – пожала она плечами. – Черные розы. Большая редкость, не знаю, где он их раздобыл. Букет черных роз, и одна красная.

– Как в романсе. «Черная роза – эмблема печали». Наш «поэтический незнакомец» изо всех сил старается навевать на вас печаль, вам не кажется?

Соня расправила складочку на платье и вскинула на меня свои огромные глаза.

– Кажется, – кивнула она, прошептав одними губами.

– Мне это не нравится, потому что лично я нахожу ужасно бестактным вваливаться к человеку в жилище специально затем, чтобы навевать на него печаль!

– Иногда в мою безумную голову приходит, что это...

Она оборвала себя на полуслове. Теперь она напряженно смотрела в окно, как будто там мужская фигура разгуливая по облакам с томом Шекспира наперевес.

– Что вам приходит в голову?

– Что это призрак, – прошептала она с благоговейным ужасом.

– Ага, – кивнула я. – Тень отца Гамлета. Все неймется старикану. Правда, он немного перестроился. Теперь он носит дорогие галстуки и пахнет фирменным одеколоном! Не смешите вы меня, Соня! Призрак, который ведет себя так, вовсе не призрак! Это какое-то Кентервильское привидение! Он же хочет нагнать на вас страху, а вот зачем? Вы даже не пытаетесь помочь мне понять это! Вас послушать, вы давно живете в небесах, и вас окружают сонмы херувимов и серафимов! Ни одного гада на всю компанию!

В это время хлопнула входная дверь.

Соня сразу замолчала, напряженно вслушиваясь в осторожные шаги, приближающиеся к двери.

Даже мне стало немного не по себе. А ну как сейчас откроется дверь и на пороге возникнет фигура в белом, опутанная веригами, и при этом не забывшая надуться как следует, и повязавшая поверх истлевшего савана галстук из «Паритета», с букетом черных роз в костлявой руке?

Я совершенно не имею опыта обращения с ходячими мумиями!

– Сонь?

Голос был женский.

Соня облегченно вздохнула. Я тоже, признаться, почувствовала себя куда спокойнее.

Дверь открылась. На пороге, слегка прищурившись, стояла девушка. Я задохнулась от завистливого восхищения. Она была представителем той породы ухоженных девиц с длинными ногами, которым лично я безумно завидовала. Оглядев нас с надменной вежливостью, столь свойственной этим лошадкам чистых кровей, она произнесла:

– Ох, как я испугалась! Думала, тебя нет, а свет горит.

– Знакомьтесь, – смущенно сказала Соня. – Это моя племянница Маша. А это...

Соня замешкалась, явно затрудняясь отрекомендовать меня правильно.

– Моя новая подруга Александра, – наконец-то решилась она, не придумав ничего лучше.

Маша равнодушно посмотрела на меня и коротко кивнула:

– Очень приятно.

У некоторых людей присутствует такая бесподобная черта, как умение тактично показать кому-то, что он тут совершенно неуместен. Маша относилась именно к таким натурам. Она села на краешек дивана, изящно скрестив свои фешенебельные ноги, и стала демонстративно-скромно рассматривать ногти на руках.

Ее молчание так умело показывало, как я тут некстати, что мне захотелось остаться. Назло. Не то чтобы мне не нравилась Сониная племянница – о, что вы! Я была восхищена тонкими чертами ее лица, только чего-то в ней не хватало.

Как и большинство умело накрашенных девиц, она, простите, напоминала Галатею, которую забыли наспиговать душой. Этаким ходячий манекен с абсолютно правильным поведением. Все было выверено до мельчайших нюансов, даже легкий наклон головы, призванный показать окружающим безупречно-строгий овал лица.

Я бы осталась, но стрелки часов неумолимо приблизились к опасному времени. Через полчаса я начну отчаянно рисковать. Дело мое хоть и тайное, но промедление смерти подобно.

– Можно позвонить? – поднялась я.

– Конечно, – рассеянно кивнула Соня, которую наш с Машей незадавшийся тандем явно тяготил.

Подойдя к телефону, старинному, как и все в Сониной полутемной квартире, я набрала номер Пенса.

Трубку взяла его мать.

– А Сережка не вернулся? – спросила я, втайне надеясь, что вернулся и не так страшно будет шастать по подвалам Чистого переулка.

– Нет, – сказала Пенсова мать. – Похоже, Саш, он явится только к утру.

– Ладно, – вздохнула я. – Больше не буду звонить. Придется обойтись без него.

– Саш, может, ты еще подождешь? – осторожно спросила она.

– Да без него справлюсь, – отмахнулась я и повесила трубку.

Противный парень! Бросить меня в тот момент, когда он мне так нужен.

Я вернулась к спальне и уже готова была открыть дверь, как услышала всхлипывания Сони и утешающий голос ее племянницы. Кстати, утешала она точно так же ровно и бесстрастно, как и жила.

Такой у нее, видимо, был имидж. Или – вернее, вот такой у нее был «стил лайф». У кого какой! У меня вот по подвалам шастать в попытках выяснить у бомжей хоть что-то о случившемся в Чистом переулке!

– Сонь, я понимаю, но нельзя же так убиваться!

Я заглянула в щелку. Соня сидела, вся подобравшись, и отчаянно смотрела вдаль. Как человек, твердо решивший выпрыгнуть из окна.

– За что его убили? – бормотала она. – За что?

Я осторожно приоткрыла дверь.

Маша обернулась, и ее равнодушные, немного коровьи глаза вспыхнули неожиданной злобой.

– Я хотела сказать, что мне пора идти, – промямлила я, как-то мгновенно растерявшись под напором этой ярости.

– Так идите, – насмешливо прошептала она. – Дайте человеку немного побыть наедине с его горем. Я передам, что вы позвоните.

– Спасибо, – проговорила я и очень тихо прикрыла дверь.

Странные у них, однако, взаимоотношения!

Глава 4

Мои мысли напоминали трудолюбивых пчелок, в поисках меда перелетающих с одного цветка на другой. Правда, мысли порхали, пытаясь постичь смыслы двух совершенно разных случаев.

– Умный человек никогда не делает то, что постоянно вытворяет эта глупая Александра Сергеевна, – мрачно поведала я водосточной трубе в одиноком и злонамеренном Чистом переулке.

Интересно, какому крестину приспичило обозначить этот донельзя замусоренный переулок, заставленный мусорными контейнерами, Чистым? Посмеяться он, что ли, решил?

«Глупая» Александра Сергеевна Данич, которой чего-то не хватало в жизни, и я подозревала, что не хватает ей именно приключений на собственную задницу, деловито огляделась.

Переулок вымер, напоминая один к одному триллерные декорации, и я поежилась. Врать не буду, не от холода. Если человеку страшно, это еще не повод прятать свой страх. Так же, как и не повод прекращать поступательное движение к намеченной цели. Дома здесь пытались прилипнуть друг к другу – он был таким узким, что казалось, будто ты идешь между двух стен. И, как все старинные проулки, хранил старческую брюзгливость седой вечности. Конечно, где уж тут быть приветливым! Насколько мне известно, достолавный переулок подлежит сносу, и никто в этих домах, дышащих друг другу в окна, уже не живет (кроме еще не переехавших стариков и бомжей).

– Надо же было так прилепить дома, – проговорила я озираясь. – И какому остолопу захотелось совершить убийство в таком вот неподходящем месте...

Из мусорной кучи, возле которой все еще маячил меловой силуэт, слегка размытый снегом, с жутким воплем вылетели две ободранные кошки. Они выпрыгнули почти на меня – и я отскочила, едва не вмазавшись в стенку. Я вскрикнула. Я даже перекрестилась и перевела дух.

Тем не менее цель моя была близка, поскольку присмотрела я этот подвальчик еще днем.

Оттуда в близлежащие дома не очень щедро, но все же подавалось тепло, а где ж еще собираться тому «благородному обществу», в котором я сейчас нуждалась, в такую промозглую ночь, как не возле тепленьких труб и котлов?

Лариков, надо думать, меня отлупит, но ведь я ничего криминального не творю, а? Ведь я вовсе не занимаюсь расследованием, пытаюсь вырвать из рук у несчастного Ванцова кусок хлеба, а просто сую свой любопытный нос куда не просят!

В конце концов тот, кто по неизвестным мне причинам решил убить несчастного Гордона с проблемной дочерью, лишил меня гонорара и тем самым насолил мне лично. Может, я такая вот меркантильная, что никак не могу этого простить, и из чувства благородной мести, подозревая, что Ванцов упустит, решила отловить его сама?

Кстати, может, я тренируюсь, твердо решив освоить профессию «охотника за головами»? Вон сколько отваливают за Басаева, лет пять можно не работать. Натренируюсь как следует и приступлю к отлову террористов!

Успокоив себя, как всегда, исключительно глупыми мыслями, так как от умных не успокаиваешься, а наоборот, я открыла дверь в подвал.

Постаралась-то я сделать это очень тихо, но давно несмазанная предательница так заскрипела, что, пожалуй, все спящие вокруг вздрогнули во сне, подумав, что находятся в старинных замках с привидениями.

Кстати, о привидениях...

Но не будем сейчас переключаться, потому как я заметила в подвале быстрое движение по углам и поняла, что если это, конечно, не крысы огромных размеров, то, значит, такие же двуногие, как я.

– Эй, – позвала я тихонько. – Есть тут кто-нибудь?

Сначала ответом было только затаенное дыхание и мрачно-угрожающее сопение.

– Да не бойтесь вы меня, – повторила я свою попытку завоевать доверие местных «туземцев».

Туземцы на меня реагировали как им и подобало. На контакт не спешили.

Вспомнив испанских конкистадоров, я решила приманить их благами цивилизации.

– Хотите, я пива принесу? – жалобно прошептала я, искренне опасаясь, что мое предложение им понравится и мне придется тащиться по ужасному Чистому переулку еще два раза.

Они занялись обдумыванием моего предложения. Обдумывали, конечно, шепотом, и я с ужасом поняла, что все обсуждающие этот вопрос являются, судя по тембру их голосов, детьми!

«Бог мой, – подумалось мне, – я-то ожидала увидеть бездомных взрослых алкашей, а тут малолетки в таких жутких условиях!»

Я отступила на шаг, боясь столкнуться лицом к лицу с тем, о чем раньше только читала. С этой бедой обездоленных совсем юных представителей человечества.

– А ты кто? – раздался наконец ломкий голосок, изо всех сил старавшийся походить на взрослых.

– Я? Частный детектив, – призналась я честно.

– Не из ментуры? – опять спросил меня тот же голос.

– Нет. Я же сказала, я – частный детектив. Мне нужно поговорить с вами.

Они подумали еще минуту и наконец меня спросили:

– А сигареты есть?

– Есть, – кивнула я.

– Ладно, подожди.

Чиркнула спичка. Свет свечного огарка в этой дыре показался мне таким зыбким и нереальным, как и несколько пар глаз, устремленных на меня.

Передо мной действительно оказались маленькие дети – девочки – самой младшей лет семь, а самой старшей – около двенадцати.

Боже мой, какими же они были заброшенными!

* * *

– Правда, не мент, – удовлетворенно осмотрела меня старшая девица и протянула ладонь. Я ошибочно приняла сей жест за приветственный и, гордая собой, пожала протянутую мне грязную ручонку.

– Тьфу, я же сигарету хотела! – топнула ногой юная нахалка.

– Ах, сигарету...

Я протянула ей пачку, к которой сразу же потянулось несколько ручонок, но девица хлопнула по самой крошечной ладошке, сурово заявив:

– Дашка, тебе еще рано. Поняла?

После воспитательного момента малышка отползла в угол, где обиженно засопела, а старшие с наслаждением затаились, как развращаемые индейцы, и с любопытством стали меня разглядывать.

– Вы тут всегда живете? – спросила я.

– Только зимой, – мотнула головой старшая из девиц. – А сейчас прячемся. Тут ментура шарит, из-за «жмурика», которого утром нашли. Если они нас поймают, то уж наверняка сдадут обратно в приют. А там эта гюрза...

– Ага, значит, вы сбежали из детдома, – догадалась я.

– Не сбежали мы, – возмутилась девчонка. – Ушли. Потому что эта гюрза кого хочешь доведет.

– А ты правда детектив? – подлезла ко мне малышка.

– Правда, – кивнула я.

– Дашка, отползай! – прикрикнула на несчастную Дашку старшая. – Вечно вмешиваешься во взрослые разговоры!

Я уже было протянула руку, чтобы прижать ребенка к себе, но старшая девица грубо цыкнула на меня.

– Не делайте этого!

– Почему? – искренне удивилась я.

– Потому что она потом как собачонка за вами бегать будет, – объяснила девочка. – Мы за ней вечно гоняемся. Один раз ее дядька порочный поманил, просто по головке погладил, так пришлось ее отбивать... Я, правда, этому козлу так по яйцам закатила, что он еще лет сто никому не помешает!

Она рассмеялась неожиданно приятным, мелодичным смехом. Правда, оказалось, что у нее нет половины зубов, но все равно – я залюбовалась ее мордашкой.

Маринка – так ее звали, – если ее отмыть, получилась бы настоящей красоткой. Правильные черты лица с немного высокими скулами, большие глаза, опущенные густыми ресницами, и волосы пшеничного цвета. Наверное, именно так с ней и нужно поступить!

– А вы тут одни живете?

– Нет, – помотала Маринка головой. Средняя девочка угрюмо молчала, рассматривая меня с откровенным интересом. Ее звали Юля, и была она похожа на маленькую представительницу племени индейцев. Черные гладкие волосы, заплетенные в тонкие косички, раскосые глаза...

– А где же остальные?

– Прячутся, – пожала плечом Маринка. – Их вообще отправят в приемный пункт для беженцев, а им это тоже на фиг не нужно. Они из Туркмении сдернули. Старикан с дочкой и мальчишка. Только они по-русски почти не секут. И еще тут Любка иногда тусуется, но она уже третий день на промыслах. Подвал большой, места всем хватает!

Справедливо рассудив, что от незнающих русский туркмен и Любки, которая уже третий день на неведомом промысле, толку не будет, я решила, что толку следует ожидать только от этой «великолепной» троицы. Ведь если они не выходили отсюда, значит, момент убийства от них не укрылся.

А если они видели, то, судя по их смышленным мордашкам, наверняка смогут описать это происшествие.

– Тут не только милиции бояться надо, – вдруг заговорила Юля и мрачно посмотрела в окно. Я невольно проследила за ее взглядом. В окне была чернота мира, который по неизвестным причинам отнесся к этим девочкам с необъяснимой враждебностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.